

К. МОЧУЛЬСКИЙ

Поэзия действия (В. Маяковский)

Спрашивают: Маяковский хороший поэт или плохой? Не знаю. По-моему, он вообще не поэт, а полководец. Родился «здоровенным, с шагом саженным», «жилистой громадиной», «глыбой». Неизвестно, «каким Голиафом зачат, такой большой»; так сила по жилочкам и переливается; кажется, встань он на ноги, земля не выдержит. Ему бы порасправить плечи молодецкие, поразмять спину, потешить свое богатырское сердце. Ему бы рубить наотмашь, воевать, драться. А вместо кольчуг и шлема надели на него нелепый пиджак и дали в руки перо. И вот он «громадный горбится в окне» — обезоруженный витязь, полководец без войска. Не легко писать стихи, когда яростно презираешь все, что похоже на поэтов и поэзию.

Сегодня надо кастетом
Кроиться миру в черепе, —

вообще надо действовать, делать, что-то создавать, над чем-то работать, а не рифмовать слезы и грезы и стряпать варево из соловьев и роз.

Если не позволено выстроить все человечество в ряд и зашвырять его камнями, если уж суждено действовать не мускулами, а словами, что же, остается чудо. Требуется: слова сделать такими же плотными и тяжелыми, как камни, и запускать ими в толпу так, чтобы результат был немедленный и решительный. Завыли, разбежались с проломленными головами, значит, работа правильная: рука верная и удар без промаха.

А рассеяв врагов, забрав их крепости и одержав славные победы, петь себе гимны: «Великому воеводе и победителю». Это вот одна сторона творчества: война и победа, а другая — постройка. Из оставшихся камней можно что-нибудь строить, например

великое будущее Р.С.Ф.С.Р. или грядущий земной рай коммунизма. Тут воинственный азарт сменяется пафосом мастера-каменщика. Ведь этот подвиг «труднее божеского втрое». Бог создавал из ничего,

А нам
Не только новое строя
Фантазировать
А еще издинамитить старое.

Маяковский принимает звание поэта только при условии, что оно будет отнято у всех, писавших до него. По армиям искусств отдается лаконический приказ: «упразднить»...

«Это вам / прикрывшимся листиками мистики, / лбы морщинами изрыв — / футуристики, / имажинистики, / акмеистики, / запутавшиеся в паутине рифм.

Бросьте! / Забудьте, / плюньте / и на рифмы / и на прочие мерехлюндии / из арсеналов искусств... Мастера, а не длинноволосые проповедники / нужны сейчас нам!»

Искусство должно быть делом, поэт — рабочим. Маяковский уверяет, что он тоже — фабрика, «а если без труб / то может / мне / без труб труднее».

Довольно поэты пели, как птицы: теперь они зарегистрированы, внесены в армию трудящихся, отныне искусство становится *полезным*: его цель «выволоочь Республику из грязи». Разве поэты не деревообделочники — они «голов людских обделывают дубы». Они — слесари, так как «мозги шлифуют рашпилем языка». Когда Маяковский утверждает, что «песнь громит вокзалы», что «все совдепы не сдвинут армий, если марш не дадут музыканты», это не поэтическая фигура, а реальность. Словарь становится арсеналом, ритм — пулей, рифма — «огнем из здания в здание». Без истовой веры в материальность слова, в его взрывчатую силу не было бы всей поэзии Маяковского. Звуком можно хлестать, как плетью, ревом долбить и громить. Что же остается делать связанному, как не кричать?

Я вот тоже ору, а доказать ничего не могу.

Наплевать на доказательства, — важно, что от этого рыка что-то сотрясается, что-то рушится.

Выреву голос огромный.

Его стихи для улицы, площадей, миллионных митингов, его голос рассчитан на далекие раскаты, на многоязыкое эхо. Ему нужно «мир огромишь мощью голоса».

«О-го-го могу / залется высоко, высоко. / О-го-го могу / и охоты поэта сокол / голос / мягко сойдет на низы».

Это нутряное, звериное о-го-го, это ржание и мычание звучит под всеми его словами. Думается, что *тембр* голоса, низкий горловой тон порождает и образы, и темы его стихов. Только для широкого раската, для буйного разбега звуковой стихии использованы чувства и образы. Маяковский не потому рычит, что негодует, обличает или проклинает; он подыскивает объекты своего аффекта для того, чтобы рычать. Вот отчего он, «нежный», почти не знает лирики; вот откуда эти марши, оды, гимны, эта поэма «150 000 000», посвященная «всем, всем, всем». Для резонанса нужно пространство — и поэт воздвигается над землей «Маяковской радиостанцией», взлетает на небо, покоряет вместе с «красным Иваном» весь мир, проповедует всему человечеству, вмешивается в дела мироздания. Ему, огромному, нужен простор: масштабы его космические, цифры — девятизначные. Ему тесно в настоящем — он творит для будущего.

«Будущее наступило. / Будущее победитель. / Эй, века — / на поклон идите».

И между «было» и «будет» сломана перегородка. Столетия мелькают мигами. Утопия врезывается в действительность, и трубы будущих побед оглашают сегодняшние битвы. Долой старые сказанья, когда на глазах наших творится миф; когда

Стоит будущих былин Святогор
 Богатырь
 Чтоб поэт перерос веков сроки,
 Чтоб поэт
 Человечеством полководить мог,
 Со всей вселенной впитывать соки.

Стать живым мифом — это почти то же, что быть взятым живым на небо. Готовясь к своей карьере полубога (а впоследствии, вероятно, и бога), Маяковский дает материалы для своей иконографии и жития. Лик его необъятен; прием — сравнения, вроде следующих: «Если б был я / маленький / как великий океан». «О если б был я / тихий, как гром», «тусклый, / как солнце», «косноязычный, / как Дант иль Петрарка».

Житие написано обстоятельно, тут есть «Рождество Маяковского» («небывалое чудо XX-го века!»), «Страсти Маяковского», «Маяковский в небе», «Маяковский векам». Наиболее чистый вид «*mania grandiosa*» в современной поэзии.

Но вернемся к действительности — Святогор совсем уж не так громаден. В истории русской литературы с ним будет связа-

но воспоминание о смелой реакции на романтически-символическую традицию нашей поэзии. В его лице футуризм возвращается к некрасовской оде и сатире, к балагурному слогу раешников, к формам фольклора. Маяковский резко поставил вопрос о «конструктивной» поэзии, не описывающей, а *творящей вещи*, но до сих пор этот вопрос остается без ответа.

